

DOI: 10.31857/S086919080020159-1

ЭКОНОМИКА ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ПРИМЕРЕ СИРИИ

© 2022 г.

И.А. МАТВЕЕВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4611-5669; iamatveev@mail.ru

Резюме: Характеристикой современных международных отношений является наличие множественных вооруженных конфликтов. В большинстве случаев они, однако, не ведут к распаду государств ввиду в том числе перестройки хозяйственных отношений под чрезвычайные обстоятельства с общими и специфическими особенностями, присущими страновым случаям. Практическим императивом их анализа с целью выбора рецептов мирного урегулирования обусловлена теоретическая значимость темы настоящей статьи.

В условиях амбивалентности вошедших в обиход терминов, имеющих отношение к конфликтам (не только вооруженным), автор, и в этом новизна исследования, выдвигает гипотезу о существовании понятия экономики внутреннего вооруженного конфликта (ЭВБК). Выстраиваются две линии доказательства на основе контент-анализа и материалов, собранных автором за время дипломатической работы в Дамаске.

Во-первых, ЭВБК связана с конфликтом как таковым больше, чем с охваченным им отдельно взятым государством, будучи в состоянии генерироваться по сценариям «несостоявшегося государства» (Сомали), государства с его признаками (Афганистан, Йемен, Ливия), параллельных экономик (Сирия), после формального разделения государства (Южный Судан) либо на пространстве нескольких государств («экономика» ИГИЛ).

Во-вторых, ЭВБК, как показали события в Йемене, Ливии, Сирии, не означает манипулирования лексическими значениями похожих терминов. Это понятие в самом деле отличается от военной экономики, будь то милитаризованная экономика в условиях войны или оборонная отрасль в мирное время (СССР, КНДР), кризисной экономики (Ливан), санкционной экономики (Ирак в 1980-2003 гг., Иран) и не является гипонимом экономики при конфликте, вызванном нападением извне (Кувейт в 1990-1991 гг.). Хотя масштаб последствий для экономик от внешних агрессий и внутренних конфликтов может быть сопоставимым.

Для доказательства гипотезы избран сирийский кейс, в рамках которого экономика за 11 лет конфликта приобрела классические черты ЭВБК.

Ключевые слова: экономика внутреннего вооруженного конфликта, Сирия, параллельная (локальная) экономика, военная экономика, кризисная экономика, санкционная экономика.

Для цитирования: Матвеев И.А. Экономика внутреннего вооруженного конфликта на примере Сирии. *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 101–110. DOI: 10.31857/S086919080020159-1

¹ Организация запрещена в Российской Федерации

ECONOMY OF AN INTRA-STATE ARMED CONFLICT:
THE CASE OF SYRIA

© 2022 г.

^a – Igor A. MATVEEV ^a

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4611-5669, iamatveev@mail.ru

Abstract: Contemporary international relations have been witnessing many armed conflicts. As usual, they do not cause dissolution of states due to the factors that include adaptation of economies to extraordinary conditions with common and specific features of country cases. The need of analyzing them to find ways for conflicts' settlement explains the theoretical importance of the article.

Facing the diversity of notions describing conflicts, the author assumes existence of a notion of economy of an intra-state armed conflict (EISAC). Such hypothesis looks new exploiting two groups of arguments based on content analysis and empiric materials accumulated during the author's stints as a diplomat in Damascus.

Firstly, any EISAC has closer links with the conflict itself than the relevant state. It can emerge under scenarios of "failed state" (Somalia), "partially failed state" (Afghanistan, Libya, Yemen), parallel economies (Syria), a formal split of a state (South Sudan), or in more than a country (ISIS²).

Secondly, Libya, Syria, and Yemen have proved that the EISAC does not mean manipulation with meanings of similar definitions including a wartime militarized economy or a peace-time defense sector (USSR, North Korea) not correlating with the crisis generating economy (Lebanon) or the sanctioned economy (Iraq: 1980–2003, Iran). Also, it does not make a hyponym of the economy in a conflict inspired by foreign aggression (Kuwait: 1990–1991). Yet, the scale of damage caused by foreign aggressions could be compared with that resulting from intra-state conflicts.

Syria has been chosen as its economy has acquired classical features of the EISAC.

Keywords: economy of domestic armed conflict, Syria, parallel (local) economy, war economy, crisis generating economy, sanctioned economy.

For citation: Matveev I.A. Economy of an Intra-state Armed Conflict: The Case of Syria. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 101–110. DOI: 10.31857/S086919080020159-1

К концу 2020 года активные вооруженные конфликты, по данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, охватили по меньшей мере 39 государств (на 5 больше, чем в 2019 году); из них 7 приходилось на Ближний Восток и Северную Африку (Ирак, Йемен, Ливия, Сирия, между Израилем и палестинцами, Турцией и курдами; к конфликтам малой интенсивности был также отнесен Египет) [SIPRI, p. 2]. Разумеется, все они не могли не отразиться негативным образом, пусть и в различной степени, на экономиках соответствующих стран.

Между тем, среди отечественных и зарубежных исследователей до сих пор нет единодушия не только в определениях, но и трактовках базовых понятий. Например, профессор ВШЭ К.А. Сонин признает экономикой конфликта раздел экономической науки, посвященный теории и практике войн (торговых и самых настоящих), патентных споров, судебных тяжб, изматывающих переговоров [Сонин, 2011]. Эксперты из Фонда Егора Гайдара, Российской экономической школы и МГУ упоминают войны, вооруженные конфликты, криминальные дела, судебные тяжбы, забастовки и марши протеста, противостояние в

² Prohibited in the Russian Federation.

области политики распределения и перераспределения доходов [Экономика конфликта, 2014]. Подобный подход представляется излишне обобщенным и упрощенным, поскольку в один ряд ставятся масштабные трагедии в виде войн и локальные события в виде протестов, во многих случаях характерные не для конфликтов, а для кризисов (в том же Ливане регулярные взрывы общественного недовольства пока не привели по аналогии с 1975 годом к внутреннему конфликту в виде гражданской войны).

А.А. Кольцова и Н.М. Старобинская вообще говорят не об экономике конфликта, а экономических конфликтах, дифференцируя их по уровню на макроэкономические и микроэкономические, по признаку возникновения на стихийные и запланированные, по социальным последствиям на конструктивные и деструктивные [Кольцова, Старобинская, 2018, с. 7]. Понятно, что подобный подход является весьма далеким от экономики вооруженного конфликта. Более конкретные критерии с признанием многозначности понятия экономики конфликта предлагает Л.М. Капица, выделяя макро конфликты (войны, подводные и воздушные конфликты, терроризм, геноцид), с одной стороны, и микро конфликты (преступления, пиратство, нелегальный вывоз людей), с другой [Капица, 2019, с. 4, 6, 8]. С подобной классификацией созвучно используемое рядом ученых понятие экономики конфликтных ситуаций на макро-, мезо- и миниуровнях. Однако и оно не раскрывает полностью тему настоящего исследования, поскольку вооруженные конфликты «растворяются» в множестве экономических конфликтов (пограничные и торговые войны, борьба за льготы, монополию, сферы экономического влияния) [Кашпур, Гудковский, 2013].

Тему экономики конфликта не обошли вниманием за рубежом, в связи с чем стоит отметить комплексную работу Чарльза Андертона и Джона Картера «Принципы конфликтных экономик: политэкономия войны, терроризма, геноцида и мира». Эти американские авторы анализируют принципы конфликтных экономик (conflict economies), методы анализа взаимозависимостей экономик и конфликтов, экономические аспекты войн, терроризма и геноцида [Anderton, Carter, 2019]. Последний аспект актуален для стран, столкнувшихся с гибридными вызовами гражданских войн и террористических угроз (яркий пример – Сирия), но, будучи изложенным в обобщенном виде в одном ряду с проблемами экономик мирного времени, нуждается в дальнейшем раскрытии.

Ряд моделей конфликтов: конкурентные (contest models), игры в войны на истощение (war of attrition games), игры Полковника Блотто с нулевой суммой (Colonel Blotto games), игры в «пушки вместо масла» (Guns versus butter models), модели «пространственного конфликта» (Spatial conflict models), приводятся в коллективной публикации Эрика Кимбро, Кевина Лафрена и Романа Шеремета [Kimbrough et al., 2017, p. 4]. Вместе с тем, делая акцент на математическом моделировании, эти авторы не затрагивают политэкономические аспекты, касающиеся экономики конфликта в целом и экономики внутреннего вооруженного конфликта в частности.

Не раскрывают содержание ЭВБК в достаточной мере, по нашему мнению, и принятая трактовка военной экономики (war economy) как организации национального потенциала производства и распределения во время конфликта [Kenton, 2021]. То есть, речь идет о тотальной военной перестройке народного хозяйства, как в СССР в годы Великой Отечественной войны [Вознесенский, 1948, с. 37] либо о частичной милитаризации экономики, осуществленной во время второй мировой войны властями США. В другой трактовке военная экономика обозначает функционирующую в мирное время военно-хозяйственную систему, материально обеспечивающую военную мощь государства, в соответствии с которой в структуре военной экономики выделяют оборонно-промышленный комплекс (ОПК) и экономику вооруженных сил (ЭВС) [Леонова, 2004].

Очевидно, что на Ближнем Востоке обе вышеупомянутых трактовки не применимы к переживающим внутренние вооруженные конфликты Йемену, Ливии и Сирии, которые

в отличие от тех же Израиля, Турции и Египта не имеют производственных мощностей и технологий для перевода экономики на военные рельсы, не говоря уже о создании полноценного ОПК. Использование в отношении них терминов «военная экономика» или «экономика войны» для обозначения военной экономики в чрезвычайных условиях конфликта не отражало бы сути происходящих процессов. Причем последний термин, который иногда используется отечественными исследователями, например, применительно к ЦАР [Денисова, Костелянец, 2019, с. 9], едва ли корректен, поскольку, строго говоря, конфликт в той же ЦАР является не войной, а внутренним вооруженным конфликтом. Как точно определил военный эксперт П.С. Казарин, если «современная война содержит в себе опасность нанесения противоборствующей стороной огневых ударов... по объектам на всей территории государства, а не только в районе непосредственных военных действий..., вооруженный конфликт принято определять как вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт)» [Казарин, 2018].

Все вышеизложенное обуславливает необходимость разработки отдельного теоретического понятия, имеющего универсальный характер и адекватно раскрывающего содержание феномена экономики внутреннего вооруженного конфликта.

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИКИ ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Для того, чтобы предложить определение экономики внутреннего вооруженного конфликта, целесообразно сначала установить ее положение в предлагаемой автором условной оценочной шкале экономик конфликтов. За ее основу принята максимально широкая интерпретация конфликтных ситуаций; то есть, речь идет об экономиках и их состояниях, так или иначе взаимосвязанных со спорами, кризисами, противостояниями, собственно конфликтами – внешними и внутренними и войнами.

Если при этом представить каждую экономику в виде системы и построить возрастающую шкалу пропорционально степени воздействия кризиса, конфликта на саму экономику, то есть на внутреннее состояние и эволюцию системы, и одновременно влияния систем экономик на внешнюю среду, получается следующая картина (табл. 1):

Таблица 1. Шкала экономик конфликтов (Scalebar of economies of conflict)

Вид экономики конфликта	Степень интенсивности конфликта	Характер влияния конфликта на экономику и экономики на внешнюю среду	Страновые примеры
1. Обычная экономика с развитыми ОПК и ЭВС	Низкая	Милитаризм (отстаивание интересов в сфере внешней политики и безопасности с помощью силовых методов) Протекционизм (инициирование и/или участие в торговых спорах, активная политика импортозамещения)	США, Израиль, Иран, Турция
2. Санкционная экономика	Низкая	Частичная изоляция в мировой экономике	Венесуэла, Иран, Россия

3. Экономика автаркии	Низкая	Изоляция и самоизоляция в мировой экономике с опорой на собственные силы	КНДР
4. Экономика конфликтных ситуаций	Низкая/средняя	Экономика частично признанных и непризнанных государств в зонах конфликтов низкой интенсивности и замороженных конфликтов	Абхазия, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Приднестровская Молдавская Республика, Палестинская национальная администрация, Южная Осетия
5. Кризисная экономика (экономика нестабильного государства)	Средняя	Системные противоречия в экономике, генерирование регулярных внутренних кризисов, элементы внешнего управления	Ливан, Украина
6. Экономика вооруженного конфликта	Высокая	Адаптация экономики к условиям гражданской войны и перманентной террористической угрозы; фрагментация экономики; интернационализированный гуманитарный кризис	Афганистан, Йемен, Ливия, Сирия
6а. Экономика несостоявшегося государства	Высокая	Фактический распад единого государства, глубокая фрагментация экономики (территориальная)	Сомали
6б. Псевдоэкономика негосударственного актора	Высокая	Попытка построить альтернативное квази-государство на территории государства члена-ООН; формирование отомобилизованной и дееспособной в производственном плане псевдоэкономики с использованием преступных способов и методов извлечения дохода	«Халифат» ИГИЛ (Ирак и Сирия)
7. Военная экономика	Очень высокая	Тотальная милитаризация экономики в условиях полномасштабной войны; очень значительные материальные потери и человеческие жертвы	СССР в годы ВОВ

Если в мирное время задачи экономической и социальной политики в принципе должны быть подчинены императивам устойчивого развития, повышения уровня жизни, укрепления международных позиций, суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности страны, приоритетом в условиях внутреннего вооруженного конфликта является предупреждение крайнего сценария несостоявшегося государства (failed state). Главными задачами становятся поддержание функционирования ЭВБК хотя бы на минимальном уровне, позволяющем предупредить экономической хаос и финансовый крах, и обеспечение лояльности населения.

Таким образом, ЭВБК отличается следующими характеристиками:

- фрагментация экономической жизни; генезис параллельных (локальных) экономик в отдельных регионах, подконтрольных самопровозглашенным автономным образованиям и негосударственным акторам;
- качественное ухудшение макроэкономических показателей по мере роста ущерба и потерь, прямых и косвенных, от конфликта;
- деградация хозяйственной жизни вследствие утечки мозгов, бегства капиталов и падения деловой активности;
- кризис ВЭД и приостановка инвестиций ввиду внешних санкций и/или ограничения доступа центральных властей к госгранице;
- острый гуманитарный кризис с потоками беженцев и ВПЛ.

Каждая система ЭВБК, как можно убедиться на сирийском примере, имеет свою динамику, начиная с первого этапа милитаризации экономики при наличии развитых ОПК и ЭВС либо просто с перестройки экономических отношений под чрезвычайные обстоятельства. На втором этапе, сопряженном с горячей фазой конфликта, протяженность которой различается, черты ЭВБК приобретают наиболее выраженный характер. Далее, рано или поздно, экономика внутреннего вооруженного конфликта вступает в третий этап деэскалации и раннего восстановления, а затем в четвертый – постконфликтной реконструкции, то есть обратной адаптации хозяйственных отношений к мирному времени.

На основании изложенного предлагается следующее **определение**: экономика внутреннего вооруженного конфликта – система экономических отношений, которая сложилась на территории одного или более государств с общей границей, охваченной внутренним вооруженным конфликтом, под контролем официальных властей и/или негосударственных акторов и характеризуется перестройкой народного хозяйства под чрезвычайные обстоятельства.

ЭКОНОМИКА ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СИРИИ

В случае с Сирией движущими силами (драйверами) ЭВБК явились внутренние и внешние факторы военно-политического, экономического и общественно-политического характера (табл. 2):

Таблица 2. Генезис и эволюция ЭВБК в Сирии (Genesis and evolution of the EISAC)

Наименование драйвера	Характер драйвера (ов)	Хронология	Последствия
Массовые протесты на волне «Арабской весны»	Общественно-политический Внутренний	2011–2012	Дестабилизация внутренней обстановки
Установление режима внешних санкций против САР	Экономический Внешний	2011–2012	Сворачивание ВЭД, уход из САР зарубежных инвесторов

Перерастание протестов в гражданскую войну при поддержке извне	Военно-политический Внутренний Внешний	2012–2013	Перестройка экономики (переход к первому этапу ЭВБК); рост инфляции, обесценивание нацвалюты; генезис параллельной экономики в зоне ААСВС
Перерастание гражданской войны в гибридный конфликт с террористической угрозой, агрессия ИГИЛ	Военно-политический Внутренний Внешний	2013–2014	Эскалация конфликта (второй этап ЭВБК); возникновение гуманитарного кризиса; генезис параллельной экономики в зоне ВПС
Кульминация конфликта, военное вмешательство внешних акторов (Ирана, США, России, Хизбаллы)	Военно-политический Внутренний Внешний	2014–2016	Второй этап ЭВБК, генезис параллельных экономик в Идлибе и в «халифате» ИГИЛ, увеличение иранской экономической помощи властям САР
Решающие военные победы властей САР и их союзников, военное поражение ИГИЛ, военные интервенции Турции	Военно-политические Внутренний Внешние	2017–2019	Переход к третьему этапу ЭВБК, некоторое оживление экономической жизни; углубление экономической фрагментации
Кризис в Ливане, пандемия Covid-19, ужесточение санкций, локализация боевых действий	Экономический Медицинский Внутренний Внешние	2020–н/в	Третий этап ЭВБК, обострение социально-экономического кризиса, топливный дефицит, рост инфляции, быстрое обесценивание нацвалюты

Как видно из приведенных данных, Сирия оказалась в крайне трудной ситуации даже по сравнению с другими арабскими странами ввиду гибридного характера внутреннего вооруженного конфликта – гражданской войны, помноженной на вызов терроризма и режим санкций. Из 14 провинций (мухафаз) властям удалось сохранить полный контроль лишь над двумя: Тартусом и Эс-Сувейдой; мухафазы Алеппо, Дамасская область, сам город Дамаск, Латакия, Хама, Хомс стали ареной боестолкновений, а мухафазы Дера, Дейр-эз-Зор, Идлиб, Ракка, Хасеке и Эль-Кунейтра перешли под контроль вооруженной оппозиции или курдских отрядов.

В условиях нарушенной территориальной целостности страны в регионах параллельно с экономикой в зоне правительства сформировались четыре экономики; за рубежом их называли локальными (local economies) [Said, 2019] или множественными экономиками военного времени (multiple war economies) [Daher, 2018, p. 4, 14]. Хронологически речь идет, во-первых, о населенном курдами Заевфратье – северо-востоке страны и частично севере Сирии – провинции (мухафазе) Хасеке, частях мухафаз Алеппо, Дейр-эз-Зор и Ракка, где с 2012 года и после победы над ИГИЛ сформировалась экономика «Автономной администрации Северной и Восточной Сирии» (ААСВС). Эти территории отказались в относительно

выгодном положении по причине концентрации нефтяных месторождений, посевов пшеницы (не зря Заевфратье еще до конфликта прозвали «хлебной житницей» всей Сирии) и водных ресурсов крупнейшей в стране реки Евфрат.

В 2013 году начали складываться сразу две параллельные экономики. Первая – в районах мухафаз Дейр-эз-Зор, Ракка и Хасеке на северо-востоке и востоке страны, подконтрольных ИГИЛ. Эта «псевдоэкономика», которая базировалась на преступных доходах (кустарной нефтедобыче, поборах с населения, торговле людьми, оружием), почти полностью сошла на нет с ликвидацией «халифата» ИГИЛ. Вторая экономика возникла на севере мухафазы Алеппо в зоне «Временного правительства Сирии» (ВПС). Четвертая образовалась на северо-западе Сирии после захвата мятежными боевиками Идлиба, где в 2017 г. было учреждено «Сирийское правительство спасения» (СПС). В условиях оккупации севера Сирии турецкими войсками экономики зон ВПС и СПС с 2018 года оказались гораздо больше привязанными к Турции, чем к остальной Сирии.

К параллельным экономикам добавилась феномен разделенных городов (Алеппо – до того, как правительственные войска блокировали восточную часть города, Дамаск, Хомс), когда линия фронта проходила по городским кварталам с сохранением у противоборствующих сторон связей с внешним миром. Вторым признаком сирийской ЭВБК стали осадные экономики (siege economies) [Said, 2019, p. 7], сложившиеся в полностью блокированных районах (в осажденных игиловцами кварталах городов Дейр-эз-Зор, шиитских анклавах Эль-Фуа и Кефрай в Идлибе, окруженном «Хизбаллой» городе Забадани в Дамасской области, блокированном властями САР палестинском лагере Ярмук на юге сирийской столицы).

ВЫВОДЫ

1. Сирийский кейс стал наглядным примером экономики внутреннего вооруженного конфликта, отразив все присущие ей особенности. При этом единая национальная экономика оказалась раздробленной на параллельные экономики с сохранением между ними минимальных неформальных связей.

2. Невзирая на сложности, властям САР удалось за два года провести адаптацию остающейся под их контролем части национальной экономики к чрезвычайным условиям вооруженного конфликта. Страна смогла избежать радикального сценария ЭВБК, не став «несостоявшимся государством» в первую очередь благодаря военной поддержке России, Ирана и ливанской «Хизбаллы», но также за счет иранской финансовой помощи, госрегулирования импорта и использования золотовалютных резервов САР.

3. Разобщенность мирового сообщества в отношении Сирии создает новые вызовы на пути к ее постконфликтному восстановлению. Невзирая на все старания властей, страна до сих пор не перешла к четвертому этапу ЭВБК: ликвидации разрушительных экономических последствий (ущерба и потерь) от конфликта, не говоря уже о создании условий для устойчивого развития. Вызванный вооруженным конфликтом социально-экономический кризис обострился из-за целого ряда новых факторов: кризиса в соседнем Ливане, ужесточения западных санкций (американский «Акт Цезаря») и пандемии коронавирусной инфекции.

4. Особенности генезиса и эволюции сирийской ЭВБК обусловили объективные трудности на пути к урегулированию сирийского конфликта. У региональных элит, например, в Рожаве (Сирийском Курдистане) и компрадорской буржуазии, привыкших жить не под контролем центра, появились и укрепились собственные сферы влияния и интересы. Это диктует необходимость поиска компромиссов для запуска национального диалога, в частности, посредством более справедливого перераспределения доходов между центром и

регионами, реанимирования единства экономической жизни, взаимовыгодных хозяйственных связей, инфраструктуры и коммуникаций.

5. Базисом и форматом для указанной реинтеграции Сирии могла бы стать децентрализация; сами сирийцы обозначают ее арабским термином *аль-ля марказийя* [Аляу, 2020]. И хотя сам по себе данный вопрос для страны не является новым – курдская проблема, к примеру, возникла задолго до конфликта, именно сейчас децентрализация управления, помноженная на межсирийское сотрудничество в сфере экономики, способна сыграть роль «локомотива» в восстановлении территориальной целостности Сирии и в конечном счете – открыть путь к урегулированию затяжного конфликта. При этом тема децентрализации в Сирии является предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вознесенский Н.А. *Военная экономика СССР в период Отечественной войны*. М.: Госполитиздат, 1948 [Voznesensky N.A. *War Economy of the USSR During the Patriotic War*. Moscow: Gospolitizdat, 1948 (in Russian)].

Денисова Т.С., С. Костелянец С.В. Конфликт в ЦАР: экономика войны. *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 1 (56). С. 9–21 [Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Conflict in the Central African Republic: the War Economy. *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (56) Spring–Summer 2019. Pp. 9–21 (in Russian)] <https://www.imemo.ru/publications/periodical/pmb/archive/2019/1-56/articles/crises-and-conflicts/conflict-in-the-central-african-republic-the-war-economy> (accessed: 02.12.2021).

Казарин П.С. О соотношении понятий «война и вооруженный конфликт». М.: Вестник военного образования, 12 ноября 2018 г. [Kazarin P.S. On the Classification of the Terms of “War and Armed Conflict.” Moscow: Military Education Bulletin, 12 Nov. 2018 (in Russian)] <https://vvo.ric.mil.ru/Statii/item/155699/> (accessed: 02.12.2021).

Капица Л.М. *Рабочая программа дисциплины «Экономика конфликта»*. М.: МГИМО (У) МИД России, 2019 [Kapitsa L.M. *Curriculum of the Course “Economy of Conflict.”* М.: MGIMO University (in Russian)] <https://mgimo.ru/upload/iblock/49d/ekonomika-konflikta-mo.pdf> (accessed: 02.12.2021).

Кашпур А.Д., Гудковский С.Б. Экономика конфликтных ситуаций. *Большая Евразия*, 2013 [Kashpur A.D., Gudkovsky S.B. Economy of Conflict Situations. *Greater Eurasia*, 2013 (in Russian)] <http://ukros.ru/archives/4738> (accessed: 03.12.2021).

Кольцова А.А. и Старобинская Н.М. *Экономическая конфликтология: Рабочая тетрадь*. Часть I. СПб.: КультИнформПресс, 2018 [Koltsova A.A., Starobinskaya N.M. *Economic Conflictology: Workbook*. Vol. 1. Saint Petersburg: CultInformPress, 2018 (in Russian)] https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/16440744/Rabochaya_tetrad_EK_1.pdf (accessed: 02.12.2021).

Леонова Н.В. Военная экономика. М.: *Большая российская энциклопедия*, 2004 [Leonova N.V. War Economy. Moscow: *Great Russian Encyclopedia*, 2004 (in Russian)] https://bigenc.ru/military_science/text/1923190 (accessed: 02.12.2021).

Сонин К.И. *Уроки экономики*. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2011 [Sonin K. *Lessons of Economics*. М.: Mann, Ivanov, and Ferber (MIF), 2011 (in Russian)] <https://econ.wikireading.ru/27056> (accessed: 02.12.2021).

Экономика конфликта. *I Love Economics–Экономика для школьников*, 2014 [Economy of Conflict. *I Love Economics–Economics for Pupils*, 2014 (in Russian)] <https://iloveeconomics.ru/video/ekonomika-konflikta> (accessed: 02.12.2021).

Alawu A. *Madhal ila al-la markaziya fi an-nizam al-idari as-Suri*. Damascus: Syria Inside for Studies and Researches, 14 Jan 2020 [Alawu A. *Introduction into decentralization of the Syrian administrative system*, 14 Jan 2020 (in Arabic)] http://www.syriainside.com/articles/186_إلى-اللامركزية-في-النظام-الإداري-السوري (accessed: 03.12.2021).

Anderton C., Carter J. *Principles of Conflict Economics: The Political Economy of War, Terrorism, Genocide, and Peace*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Daher J. *The Political Economic Context of Syria's Reconstruction: A Prospective in Light of a Legacy of Unequal Development*. Firenze, Italy: European University Institute–Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2018. <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/60112> (accessed: 03.12.2021).

Kenton W., Scott M.P. (rev.). What is a War Economy. *Investopedia*. 25 Oct. 2021. <https://www.investopedia.com/terms/w/war-economy.asp> (accessed: 02.12.2021).

Kimbrough E., Laughren K., Sheremeta R. War and Conflict in Economics: Theories, Applications, and Recent Trends. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 19 Jul. 2017 (MPRA Paper No. 80277, posted 20 Jul 2017). https://mpra.ub.uni-muenchen.de/80277/1/MPRA_paper_80277.pdf (accessed: 02.12.2021).

Said S. (ed.). *Local Economies in Syria: Divisions and Dependencies*. Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, September 2019. <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/beirut/15702.pdf> (accessed: 03.12.2021).

SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament and International Security, Summary. Stockholm, SIPRI–Oxford University Press, 2021. https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-06/sipri_yb21_summary_en_v2_0.pdf (accessed: 02.12.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАТВЕЕВ Игорь Александрович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Центра арабских
и исламских исследований, Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

Igor A. MATVEEV, PhD (History), Senior
Research Fellow, Center of Arab and Islamic
Studies, Institute of Oriental Studies, Moscow,
Russia